

Хозяин

Автор:

[Александр Щёголев](#)

Хозяин

Александр Геннадьевич Щёголев

Триллер, фантазмагория, сатира, ремейк классики, – многие жанры густо перемешаны в этой скандальной повести.

От прапорщика Ковалева, образцового милиционера, сбегает важная деталь мужского организма, и это, увы, не нос. А ведь главный герой боготворил своего любимца, вольготно жившего у него в трусах, и вот – зажил тот собственной жизнью, оказавшись идеальным чиновником, стремительно взлетевшим к самым высотам власти. На всё готов прапорщик, чтобы вернуть утрату, и противодействие кремлевских спецслужб – лишь небольшая часть поджидающих его трудностей...

Повесть получила в 2007 году премию журнала Бориса Стругацкого «Полдень, XXI век» как лучшая публикация года.

Александр Щёголев

Хозяин

рассказ на букву "Х"

...как в нынешний просвещенный век могут распространяться нелепые выдумки... как не обратит на это внимание правительство?

Н. Гоголь.

Красив и странен Финский залив июньскими вечерами.

Несколько сотен метров нужно прошагать по нему, аки посуху, если всерьез задумал утопиться.

Вот и умирающий баркас «Кандалакша», ржавым зубом торчащий из воды, – год за годом силится найти упокоение в морских глубинах и не может.

Впрочем, насчет «сотен метров» – это относится к Репину и Комарову, где живут художники и писатели. У нас, к счастью, мелководье измеряется лишь парой десятков метров.

Багровый сгусток плазмы, изображающий утомленное солнце, все погружается и погружается в залив, – сбоку, в той стороне, где Приморск. Вдалеке медленно идут крошечные корабли с огоньками – кажется, что стоят. Это паромы из Финляндии (а может, в Финляндию?). Несмотря на позднее время, акватория близ берега тоже полным-полна: резиновые лодки, водные мотоциклы, даже купающиеся есть.

На берегу лежат исполинские косые тени, рождая мысли о бесконечности всего сущего...

Но какая тут, к черту, бесконечность?! Я бы с наслаждением попробовал утопиться – как этот баркас и как это солнце, – если б не мелкое желание жить.

– ... И все-таки – божественно, – сказал господин Вяземский, будто возражая кому-то. Повернувшись к ветру спиной, он всматривался в соленую даль. – Достаточно прийти сюда вечером, просто прийти – и душа воспарит.

Я с ним не спорил. Я был его гостем. Шуршал залив, костер потрескивал, – и вправду романтично, о чем спорить. Толстые подстилки на остывшем песке; мясо на шампурах, вино, бокалы... рай. Костер господин Вяземский разводил сам, без помощи охранников. Охрана вообще вела себя очень деликатно – вроде и нет ее, вроде мы вдвоем на этом пляже. Иллюзия... Как и его фамилия – всего

лишь иллюзия. Я-то знал настоящую, но его деловые партнеры, холуи и хозяева... впрочем, это их проблемы.

- Насчет души - все точно, - сказал я ему. - Дунь посильнее, и нет ее. Особенно на таком ветрище.

- Опять вы шутите, - сказал он укоризненно.

- Отчего же? Воспарила и вернулась, обычное дело. Одно «но». У кого-то душа - как воздушный шарик с детским рисунком, летит себе в небо. А у кого-то мечется по земле, как эти ваши бесподобные псы.

Хозяйские псы и в самом деле были великолепны. Две русские борзые - метр в «горбушке» (то бишь в холке), с изумительно горбатыми спинами. Плоские, как коврик. Оба рыжие, с подпалинами. С выразительными лошадиными глазами. Одного звали Плес, другого - Псков. Они носились по берегу, изредка останавливаясь и роясь длинными мордами в песке.

- Гнилушки ищут, - пояснил Вяземский. - В гнилушках живность есть. Вечно голодные, твари этакие. Вы не поверите, могут съесть килограмм сливочного масла в два укуса: ам-ам, и нету. Плес, еще щенком, однажды сожрал килограмм шоколадных конфет...

- Что, с обертками?

- Нет, конфеты были из шоколадных наборов. Разобрал коробки. Так ветеринар меня успокоил: все в порядке, говорит, ужином собаку можно не кормить.

- Клички у них редкие, никогда таких не встречал.

- Щенки из одного помета. Все имена давались на букву «П». Ничего, кроме названий городов, мне в голову не пришло. Привычка, наверное...

Помолчали. Темы для разговоров, похоже, заканчивались.

Мы давно уже обсудили, почему так мало комаров (сильный ветер, да и дым костра их отгоняет). Заодно поделились опытом, как разжигать костры на ветру.

Осудили абсолютную безбашенность современной молодежи – той, что гоняла по заливу на водных мотоциклах (отчаянные ребята – из воды повсюду торчат каменные глыбы; случайно наскочил – и привет). Теперь, вот, на собак перешли.

Приближалась пора вставать и желать друг другу спокойной ночи...

Он был простым человеком, этот Вяземский, хоть и очень богатым. Простые манеры, простая одежда. Накидка – поверх мешковатого спортивного костюма. Старомодный берет. Шлепанцы на босу ногу. Усики... Он был старше меня – лет примерно сорока. Стройный и поджарый, как его псы, с тонкими, женственными чертами лица. Красивый человек. Мой сосед...

По-соседски он и принял меня у своего костра. Дал отмашку по рации, откликаясь на доклад охраны: мол, нечего хорошего парня в воротах томить! Быстренько его сюда! Мой дом стоит в глубине материка, не имея прямого выхода к заливу, а его участок захватывает кусок пляжа. Мы познакомились дней десять назад, как только он здесь поселился. С тех пор здоровались на улице и даже пару раз сидели вот так же – вечером, на его маленьком личном пляже. Вяземский меня приглашал – я не отказывался.

Наш статус в поселке одинаков, по крайней мере, формально. Мы оба живем в той части материка, которую прозвали Бизнес-уголком или Нижним. Был еще Верхний, он же Бандитский уголок – с домами-дворцами и вертолетными площадками, – но Вяземский презирал тамошнюю публику не меньше моего. Спрашивается, отчего бы нам было не свести это знакомство?!

Впрочем – один нюанс. Территория его участка, разумеется, охранялась по всему периметру, особенно в те моменты, когда хозяин желал насладиться морскими видами. Так вот, прежде чем пропустить на пляж, меня всегда обыскивали. Доброжелательно, но по полной программе, – несмотря на то, что знали, кто я и что я. И сегодня обыскали.

Если бы я рискнул пронести пистолет на себе – все бы рухнуло. А ведь мог понадеяться на то, что стал в этом доме своим, что мнительность господина Вяземского даст трещину!

Как выяснилось, моя мнительность – крепче, надежней.

Пистолет был спрятан здесь, на пляже. Под одним из валунов, в изобилии лежавших на песке. Ребятишки прошлой ночью постарались.

Встань, солдат, возьми оружие – и за работу...

Я ждал.

– Знаете... – заговорил он, медленно подбирая слова. – Вот вы обмолвились, что воспарившая душа всегда возвращается... Смотрю я на своих песиков – они ведь тоже, обратите внимание, отбегают от костра, и довольно далеко, даже порой не видно. И при этом контролируют, где я, что я делаю, более того – стремятся побыстрее вернуться... Все правильно, я для них хозяин. Для собак. А вы, по вашему утверждению, хозяин своей души. Но что случится, если хозяин вдруг встанет и уйдет? Что, если он внезапно бросит тех, кто не мыслит без него своего существования?

– Раб станет свободным, – предположил я.

– Или погибнет, – тут же возразил он. – Речь не о рабах, мой друг. О тех, кто с уходом хозяина теряет смысл жизни... Разрешите, я развлеку вас одной притчей? Байкой у костра, с вашего позволения.

– Почему нет?

– Вот и хорошо...

Господин Вяземский улыбнулся. Глотнул вина, собираясь с мыслями, поплотнее закутался в накидку – и повел неспешный рассказ...

...С чего бы начать эту историю? С того казуса, который сломал нашему герою жизнь? Или с предыстории, ставшей, собственно, причиной сих печальных событий?

Предыстория, казус, печальные события... Любят же иные рассказчики изображать из себя эстетов, усложняя простые вещи! Когда с человеком

случается то, что здоровый мозг и вообразить не способен, когда худшее из худшего, что прячется в подсознании, вдруг вырывается в реальность, когда не хватает рассудка, чтобы просто матюгнуться, – обязательно найдется знаток-очевидец, этаким байколюб, который из чужого горя вылепит занятную вещицу.

И это – поистине худшее из худшего...

Да, в нашем рассказе мало веселого. Это рассказ на букву «Х»... а уж что сие означает, понимайте, как умеете.

Начнем, пожалуй, с того, что некий сравнительно молодой человек, проводивший отпуск в Пятигорске, проснулся однажды не в своей постели. Вернее будет сказать – очнулся. Лежал он на диване в холле второго этажа, а растолкала его уборщица, пришедшая рано утром на работу. И слава Богу, что растолкала. Было полседьмого, санаторий постепенно оживал. Ранние пташки из числа отдыхающих продирали глаза и шли на улицу – кто «на водопой», кто просто погулять перед завтраком. Наверняка мимо дивана уже не раз и не два прошли люди, запнувшись при виде скрюченного, сопящего во сне тела. И если никто до сих пор не поднял тревогу – значит, признавали в спящем своего, значит, узнавали его.

Осознание этого очевидного факта мигом протрезвило жертву нелепых обстоятельств.

Туфли он нашел не сразу: одна валялась на ковре посреди холла, вторую какой-то шутник положил на телевизор. Уборщица бурчала что-то насчет стыда и совести – однако, не до нее было. Вовсе не стыд и не совесть беспокоили проснувшегося человека, а вечные русские вопросы: кто виноват и что делать.

Огласка. Насмешки. Позор...

Водички бы, вяло подумал он. И заодно пописать. К себе в номер нельзя, там Магомет со своей абазинкой... террористы недобитые. Пойти в комнату к Саше, что ли, как договаривались с вечера? Разбудить мерзавца...

– Ты бы хоть форточку прикрыл, вояка, – нарочито громко сказал уборщица, показывая куда надо пальцем. Махнула в сердцах рукой и пошла прочь.

Обмирая от ужаса, человек проверил ширинку. И правда – расстегнуто. Настежь. Как у чмо какого-нибудь... Попытался исправить положение и не смог: застежка «молния», мало сказать, была сломана – выдрана она была, с мясом и нитками. Ползунок съехал на тесьму. Ремонту не подлежит.

Стихийное бедствие...

До туалета человек добрал на автопилоте. В пустой и огромной его голове звякали осколки мыслей: «...ну, бред... шутники хреновы!.. зачем было пить?.. чтобы меня, офицера, в таком виде... этакое непотребство!.. хорошо хоть не голый...»

Он приспустил штаны, затем трусы, и навис на писсуаром, предвкушая. Торопливо зашарил, зашарил рукой, желая поточнее направить струю... и не нашел того, что искал. Он ничего не понял. Посмотрел вниз. Опять ничего не понял.

Потом не поверил.

Запрыгал к зеркалу, чтобы увидеть в отраженном мире ту же картину, только с фасада.

– Да бред же, – произнес он с надеждой. – Сплю. Пьяный дурак. Зачем пил?

Кусок его тела странным образом отсутствовал. Очень важный кусок. Очень. Ну просто не было там ничего – там, где непременно должно было быть.

– Что за чертовщина? – прошептал человек.

Он раскорячился и, не доверяя глазам, провел рукою меж ног своих. Пустой гладкий пах – как у куклы. Даже волос не было. Он бросился искать в спущенных трусах... (явная глупость: не могло же ЭТО отклеиться и завалиться в одежде?). Он повернулся к зеркалу задницей, пару секунд разглядывал себя с этого интересного ракурса...

А потом завизжал. Тоненько и пронзительно, как девчонка.

...Самое время познакомиться с нашим героем поближе.

Человек был служивый, казенный. Жил и работал в Клопино, что под Санкт-Петербургом, спаси и сохрани, Господи, бывшую столицу. Клопино, между прочим, крупный город, несмотря на несерьезное название. Целых два градообразующих предприятия, одно из которых – «Виктория, Schmid Ziegel», завод по изготовлению стройматериалов, купленный немцами. Так вот, служил наш герой в Клопинском Управлении вневедомственной охраны или иначе – УВО. Должность имел не маленькую и не большую – начальник команды «А» в сторожевой службе. Какой-никакой, но командир. Аттестованный сотрудник – со всеми вытекающими отсюда правами. Под ним ходило более полусотни сторожей-контролеров, хоть и был он сравнительно молод. И охраняла команда «А» ни что иное, как вышеозначенный завод «Виктория, Schmid Ziegel».

Имел он, разумеется, и чин – прапорщик. Не майор, конечно; с другой стороны, и не сержант. Устойчивая, крепкая жердочка.

В общем, занимал наш герой свое место в той благородной чиновной прослойке, что отделяла истинное начальство от вольнонаемного сброда.

А подчиненных его, и вправду, кроме как сбродом не назовешь. По ночам на постах спали – в креслах, на столах, на стульях. Выпивали во время дежурства. А если шла проверка (громыхающая милицейская «буханка» с инспектором внутри) – мгновенно перезванивались, твари, предупреждая друг друга. Ночную «отзвонку», с благословения штаба, фальсифицировали всю – от первой до последней записи в журнале! Система тотальной имитации службы, коллективная безответственность... все это – армейские штучки, черт бы их побрал, перенесенные на благодатную почву. Но хуже всего было другое. В любой момент нашему маленькому начальнику мог позвонить кто-нибудь из контролеров и сказать, дескать, завтра не выйду – заболел, отравился, умерла любимая теща. Приходилось срочно искать замену, уговаривать кого-то или упрашивать. Такие звонки с отказом случались даже ночью (домашний телефон командира знали все). Иногда звонили утром, в день дежурства. Как, скажите на милость, найти замену за час до развода?! Иногда вообще не звонили... Ну, твари, твари.

Едва ли не каждую ночь товарища прапорщика мучил один и тот же кошмар – будто бы половина караула не вышла, на посты ставить некого, дежурство

сорвано... вот такой экстрим. Не жердочка, а вечный стресс.

И последнее. Звали нашего героя... как же его звали? Ну, предположим, К. Да, пусть будет К. Простая русская фамилия.

Э-э, что за секреты между своими?! Ковалев его звали. Прапор Ковалев. Он, по чести сказать, не любил приставку «прапор», полагая, что несолидно это звучит, и сам себя предпочитал называть «офицером». Неважно, правда это или нет, важно звучание. Так и представлялся девушкам и дамам: офицер Ковалев-с! Извольте любить и жаловать!..

Вот мы и подоברались к главному. Нет, речь не о том, что Ковалев любил всех дам без разбору (кто из офицеров их не любит), и не о том, что ему обычно отвечали взаимностью (может, потому он и оставался холостяком?). Была в его жизни обратная сторона, скрытая от всех, – от родителей, от приятелей, от тех же дамочек. Ничего удивительного: у всякой монеты есть как аверс, так и реверс. Изнанка парадного костюма, темный затылок Луны... Офицер Ковалев только казался одиноким человеком. На самом же деле у него был спутник, с которым он не расставался никогда: ни дома, ни на службе, ни в уборной, ни в постели, ни во сне, ни в бдении. Этот спутник руководил если не всеми, то большинством его действий, мало того, даже мысли его направлял в том или ином направлении.

Ковалев называл это существо «Хозяином».

Кто он такой, хозяин офицера Ковалева? Или лучше спросить – что он такое?

Ответ несложен, и в то же время непрост. Деликатная, знаете ли, ситуация с этим ответом...

Есть вещи, которые не принято называть своими именами. Сейчас как раз тот случай. Ибо от поэзии до пошлости – один маленький шаг, всего одно произнесенное вслух словцо...

Мы не сделаем этого шага.

Хозяином нашего героя была... его же часть. Точнее, тот анатомический орган его сравнительно молодого тела, тот узкофункциональный отросток, которому каждый нормальный мужчина придает особую важность. Ну, теперь вы поняли, о чем речь? И пусть медицина уверяет нас, что мозг, сердце или печень куда ценнее для организма! Мужчина видит в этом кусочке своей плоти нечто большее, нежели просто инструмент, выполняющий мужскую функцию, – такова природа и такова традиция.

Офицер Ковалев в этом смысле еще в детстве перешагнул черту, отделяющую привычный половой шовинизм от просветленного самопожертвования.

Он готов был на все, чтобы услужить господину. Он подчинялся с безрассудством идеального раба, и Хозяин частенько награждал его минутами истинного наслаждения.

Как бы плохо ни было на службе, Ковалев приходил домой, раздевался догола, становился перед зеркалом и в очередной раз убеждался, какие они с Хозяином оба ладные, крепкие, неразделимые, – и поганое настроение отступало...

Иногда Хозяину хотелось уточнить свои размеры (Ковалев очень чутко ощущал это желание), и тогда он брал портновский сантиметр, дабы совершить необходимые измерения...

Хозяину регулярно требовались подружки. Ковалев легко обеспечивал Его подобной малостью. Побрызгав на себя туалетной водой, каждый вечер офицер выходил на охоту. Сила Хозяина, власть Его передавались в эти моменты Ковалеву, поэтому редкая женщина могла им обоим отказать...

Ни на минуту наш герой не забывал о том, ради кого он жил, – что бы ни происходило вокруг. Говаривал бывало с печалью в голосе: «Что-то Хозяин сегодня не в духе... хандрит, хандрит старина...», – когда, разглядывая мужской журнал, не ощущал должного шевеления. Или, наоборот, если Хозяин вдруг оживал, реагируя непонятно даже на что, Ковалев с нежностью посмеивался: «Гоголем ходите, лапушка... истинно гоголем...» А после особенно удачной вечеринки, проснувшись утром в обществе разомлевшей красотки (а то и двух), он восторженно шептал под одеяло: «Ах, разбойник, что вытворяет... ну, просто гоголь, по-другому не скажешь...»

Бывало, в порыве нежности сам не замечал, как выводит, чуть ли не поет – тоненьким, чистым голоском:

«Го-оголем... го-оголем ходит!»

Причем, Ковалев ни в коем случае не был душевно болен! Психиатр, ясное дело, нашел бы изрядное отклонение от нормы, однако все вышеописанное не переходило границ безобидного чудачества. Во-первых, Хозяин НИКОГДА не отвечал на обращенные к Нему реплики, и Ковалева это ничуть не беспокоило, – то есть версия о галлюцинациях отпадает. Во-вторых, Ковалев и сам прекрасно понимал, что его поведение аномально, поэтому жестко контролировал себя на людях (иначе по Клопино живо пошли бы круги омерзительных сплетен).

Секрет, возможно, в том, что власть, которую Хозяин имел над нашим героем, была отдана Ему добровольно и осознанно.

Ковалев попросту любил Хозяина.

И вот настал тот день, когда он выбил себе бесплатную путевку на Северный Кавказ – в ведомственный санаторий «Провал», расположенный в городе Пятигорске. Ковалев мог похвастаться многими недостатками, но только не отсутствием хватки. Аттестованный сотрудник, как-никак, пусть всего лишь прапорщик, – значит, имеет право! Не одним же майорам да полковникам по санаториям шастать?

В Пятигорске он вел жизнь, обыкновенную для совершенно здоровых людей, оказавшихся на курорте. Много ел, мало спал. Знакомился, флиртовал, ходил на танцы. После танцев – чужой номер и чужая постель; или, через раз, – свой номер и своя постель, украшенная гостьей. Минеральную воду пил от случая к случаю. Чаше употреблял спиртное, как же без этого. Даже странно, что при столь насыщенном графике Ковалев сумел один раз подняться на гору Машук и дважды съездить на экскурсии: в Теберду-Домбай и в Приэльбрусье...

Впрочем, рассказ не об этом. Завелся у Ковалева курортный дружок, живший в том же санатории. Карачаевец по национальности. Звали его Магомет. Имел он звание капитана (повыше прапора – что да, то да), а служил в Карачаево-Черкесии, опером в республиканском Главке. В целом – нормальный мужик, тоже совершенно здоровый и тоже падкий до женского общества. Но была одна

закавыка: Магомет жил в двухместном номере... Вам непонятно, в чем закавыка? В наличии соседа, в чем же еще! Чтобы привести к себе бабу, каждый раз Магомету приходилось договариваться с майором Сашей из Москвы, на редкость спокойным и правильным персонажем. (Этот Саша приехал лечиться: исправно пил воду, ходил повсюду с плеером и наушничками в ушах, вдобавок, целыми днями книжки читал (!).)

Короче, бедствовал Магомет.

А Ковалева поселили в одноместном полулюксе (вот она, хватка!). Полулюкс – это отдельная комната с двухспальной кроватью, с холодильником и телевизором. Бесплатная путевка давала право только на двухместный номер, но Ковалев, когда регистрировался, доплатил до стоимости полулюкса, благо комната была свободна. Не такие уж большие деньги. Ну, и регистраторше, как водится, сверху. Магомет то ли не сообразил сделать так же, то ли денег пожалел. Вот и получилось, что прапорщик из районного Управления жил, как принц, а капитан республиканского Главка ютился, будто не родной.

Когда из Черкесска к Магомету приехала знакомая абазинка (секретарша в том же Главке), капитан поставил перед прапором вопрос ребром: нужна твоя комната, друг. Всего на одну ночь. И прапор взял под козырек, опасаясь поспорить с темпераментным горцем.

С соседом Сашей договорились: спальное место Магомета этой ночью займет Ковалев. Вечер провели втроем: капитан, его подруга и прапор. Начали в кафе, закончили в полулюксе. Абазинка вела себя на удивление раскованно (или это вино ее вело?), без стеснения делилась с коллегами своим опытом. Оказалось, что черкесы как мужчины никуда не годятся, зато карачаевцы – вот это мужчины. Отпустив тормоза, она откровенно сеяла межнациональную рознь, но карачаевец Магомет вместо того, чтобы привлечь ее к ответственности по статье 282 УК РФ, пьяно ржал. Сам же он раз за разом объяснял другу и подруге, сверкая бесноватыми глазами, что Магомет – самое распространенное на Земле имя... Иначе говоря, для кого-то вечер удался.

Цветущая абазинка ужасно нравилась Ковалеву, но попробовать отбить ее у товарища было немислимо. Единственное, что Ковалев позволял себе, это намеки – мол, не веселее ли спать втроем, чем вдвоем? Мол, моя двухспальная кровать запросто троих выдержит... Его не поняли (Магомет был не столь раскован). И в половине первого ночи намекнули уже Ковалеву: а не пора ли

тебе, друг, дать землякам пообщаться наедине?

Спустившись из полулюкса на второй этаж, добравшись в полутьме до чужого номера, он ткнулся в дверь. Заперто... Только тут он сообразил, что не взял у Магомета ключ. А майор Саша, похоже, спит. Станный мужик – боится спать с открытой дверью... Не меньше минуты Ковалев собирался с мыслями. Что было делать? Вариант один: будить Сашу. Вариант два: возвращаться за ключом. Вернуться – означало потревожить парочку в самое горячее время. Магомет смертельно обидится, шайтан бы его побрал... Ковалев постучал в номер. Ни шороха в ответ. Он постучал сильнее, злее. Нет реакции. Очевидно, чудаковатый Саша заснул со своим вечным плеером. Бешенство охватило прапора: он забарабанил в дверь – сначала кулаком, потом ногой... Приоткрылась соседняя дверь, и густой бас проорал из темной щели: «Вы что там, оборзели?! Рапорта давно не писали?!» Сквозь дверь напротив пришел другой вопль: «Эй, мудаки! Я ведь сейчас выйду!»

Это был тупик.

Ковалев добрел, держась за стены, до холла, и упал на диван. Выплеск ярости отнял у него последние силы. Спать хотелось нестерпимо. Царящий вокруг мрак вползал в мозг. Посижу, выжду, решил он. Через час поднимусь к Магомету за ключом. Часа им, наверное, хватит.

Зачем я столько пил? – подумал он. И это была последняя мысль, которую он запомнил.

Не знал наш герой, что Саши в то время просто еще не было в номере. Сосед Магомета засиделся со знакомым дежурным врачом – играли в шахматы. Около часа ночи, возвращаясь к себе, майор Саша прошел мимо спящего Ковалева, не заметив его.

Не знал наш герой и того, что ключ от чужого номера, оказывается, все это время благополучно лежал в кармане его пиджака. Магомет положил и даже предупредил товарища: не забудь, – если что, откроешь дверь моим ключом. Ковалев за болтовней как-то упустил этот момент. Глупо получилось. Анекдот.

Вспоминали бы потом все это со смехом (трудно поверить, но Ковалев обладал чувством юмора), если бы не...

Если бы не утреннее пробуждение.

...Итак, мы оставили нашего героя в туалете – обезумевшего, потерявшего связь с реальностью.

Описывать, как он бегал по этажам и коридорам с криками: «Чертовщина!», «Хозяин пропал!», «Как есть чертовщина!», «Потерял Хозяина!», – незачем. Как перебудил всех и вся, как снял с подушки сначала медсестру, потом дежурного врача... нет, не надо. Штаны сообразил натянуть (придерживал их рукою, когда метался по санаторию) – и довольно об этом.

Пелена кошмара начала таять лишь в кабинете дежурного врача, оставляя чувство невообразимой, вселенской потери.

Врач вколол несчастному Ковалеву изрядную порцию транквилизатора и осмотрел его. Осмотр длился ненормально долго. И реплика, которую врач подал во время этого процесса, была всего одна: «Не может такого быть... потому что не может...» Весьма точное замечание. Да, пострадавший полностью лишился гениталий – событие в хирургической практике, казалось бы, рядовое, – но... Никакой вам кровавой раны. Даже зарубцевавшейся раны – нет, как нет. На месте гипотетического отсечения наблюдалось темно-серое пятно непонятной природы, твердое на ощупь и покрытое тонким слоем слизи. Зрелище, прямо скажем, не для слабонервных. Когда Ковалев оделся, врач только и спросил, старясь не смотреть в глаза пациенту: «Как же тебя угораздило, парень?»

Из санатория нашего героя увезли в местную больницу. Там за него взялись урологи. В самом деле, как ни относиться к происшедшему, – с недоверием, с профессиональным любопытством, – а пациент нуждался в срочной операции. В конце концов, нужно же было освободить его от жидкости, скопившейся в мочевом пузыре?! И обеспечить ему возможность выполнять это простое действие самостоятельно – на всю оставшуюся жизнь... Ковалев, кстати, так и не облегчился в санаторском туалете – терпел со вчерашнего дня. Да и каким образом он мог облегчиться, позволено будет спросить? Только при помощи хирургического вмешательства, каковое и было незамедлительно произведено.

Пациент выдержал в этот день две операции. Надлобковую пункцию сделали сразу по поступлении в больницу, избавив его от физиологических мучений. Полноценную цистостомию (создание наружного хода в мочевой пузырь) и дренирование (введение в дырку специальной трубочки) сделали чуть позже. К вечеру Ковалев уже лежал на койке – с дренажной трубкой в боку и с гноящейся тоской в груди. На конце трубки был закреплен мочеприемник – пластиковая баночка, в которой скапливалось... ясно, что именно. Баночку время от времени нужно было освобождать. Что касается распирающей грудь тоски, то выводить ее из организма урологи не умели.

И вообще, ничем более, кроме описанных процедур, медицина не могла помочь нашему герою. Доктора с неохотой ввали о похожих случаях, которые, кажется, благополучно разрешились; и все как один стыдливо отводили взгляд. Медсестры скорбно вздыхали, жалея пропавшего мужика... Ночь прошла в многослойных кошмарах, где Ковалеву снилось, будто он спит и видит сны, в которых он спит...

А следующим вечером случилось новое происшествие, развернувшее эту историю абсолютно неожиданным ракурсом.

В полшестого Ковалева словно толкнуло изнутри. Он через силу заставил себя подняться и пройтись по палате. Окно было открыто: он подошел, выглянул на улицу... и замер, не веря глазам своим. Хозяин!!! – пронзило его. Да как же... как это может быть?

Хозяин садился в такси. Прямо на оживленном перекрестке, куда больница выходила углом. Без сомнения, это был Он – небольшого росточка, в строгом костюме с галстуком, с чемоданчиком в руке.

– Стойте! – заорал Ковалев. – Погодите!

То ли не услышал его Хозяин, то ли решил, что обращаются к кому-то другому; торопливо залез в салон, и машина тронулась.

Ковалев обезумел. В чем был – с банкой на боку, в шлепанцах, – бросился на улицу. Его пытались остановить – он никого не слушал. «Куда же вы? – шептал он. – Меня возьмите! Меня!»

Хозяина, разумеется, и след простыл. Как теперь его найдешь? Пятигорск – большой город, ничуть не меньше Клопино. Ковалев стоял в центре перекрестка, отчаянно озираясь, а машины объезжали его, раздраженно сигналив... Догадка сверкнула, как молния в ночи. Ну конечно же! Костюм, чемоданчик, такси... Хозяин покидал этот город. Уезжал домой. На чем уезжал, каким транспортом? Аэропорт – в Минводах. Значит, поездом.

На вокзал!

Гонка, предпринятая Ковалевым, достойна отдельного описания. Без денег (в больнице оставил), терзаемый болью после операции, он ковылял пешком, голосуя всем подряд автомобилям. Никто не брал его. Он сел в маршрутку, проехал бесплатно до Ленина, там пересел в другую маршрутку – опять бесплатно (видно, водители пугались его шлепанцев и банки на боку), – и вот она, вокзальная площадь...

На платформе царил суета. Скорый №50 «Кисловодск – Санкт-Петербург» уже прибыл; стоянка – пять минут. Ковалев метался вдоль состава, вглядываясь в пассажиров, в окна вагонов, ища знакомый чемоданчик. Отправление. Вагоны движутся, ускоряясь... В одном из тамбуров мелькнул Он. Небольшого росточка, внешне такой неприметный и вместе с тем – прекрасный...

Хозяин!

Ковалев ринулся вперед, стремясь запрыгнуть в набравший ход поезд. И он ушибся бы, точно бы ушибся, если б дюжий мужик не подхватил его под мышки. «Эй, юродивый, куда лезешь?» Скорый «Кисловодск – Петербург» исчез в вечерней дымке, а Ковалев остался на платформе – жалкий, потерянный, совершенно больной...

...Он вернулся домой через неделю. Чуть окреп – и на поезд. Дней, проведенных в больничной палате, хватило, чтобы свыкнуться с новым состоянием, чтобы вновь обрести рассудок и слабое подобие воли к жизни.

Чувство пустоты не отпускало его ни на миг. Ужиться с потерей было невозможно. Впрочем, покончить с собой он даже не помышлял: наверное, теплился еще в сумрачных глубинах его сознания крохотный огонек надежды...

Когда Ковалев вышел на службу, выяснилось, что все милицейское сообщество Клопино буквально лихорадит. В городском Управлении внутренних дел смело всех замов; вслед за ними из кресла вылетел и сам начальник Управления. В этой буре, пожалуй, только родная Ковалеву вневедомственная охрана уцелела... События, по слухам, развивались так. Неделю назад (а то и меньше) назначили нового начальника следственного отделения. Откуда он взялся, никто точно не знал. Говорили – местный. Но может, из Москвы прислали. Или (почему-то) – с Северного Кавказа. А еще болтали, будто он на самом деле числится в штате другой конторы – той, которую милиция называет «Соседями». Так или иначе, но после его подвигов во что угодно поверишь. Этот новый начальник, едва приступив к своим обязанностям, тихой сапой провел раскопки внутри Управления – настолько стремительно, что никто и дернуться не успел. После чего разослал рапорта: в прокуратуру (в обе местные и центральную), в службу собственной безопасности, в Особую инспекцию, – и тому подобные инстанции. Первыми полетели головы начальника финчасти и зама по тылу, чьими усилиями вот уже пять лет строилось второе здание для нужд Управления. Куда и кому в действительности утекали бюджетные деньги, было четко расписано в рапортах. Привлекли зама по кадрам с его «мертвыми душами», якобы занятыми на стройке. Затем под каток попали начальник криминальной милиции и главный опер по экономическим преступлениям, в меру сил прикрывавшими несуществующее строительство; даже зам по участковым инспекторам оказался замазан.

За несколько дней – такая революция! И когда вместо старого начальника Управления, поспешно ушедшего на пенсию, был назначен все тот же загадочный чужак, никто не удивился.

Этот скандал, честно сказать, мало задел прапора Ковалева. Место зрителя в подобном цирке не приносило ему прежнего удовольствия, а служебный кураж, вероятно, оставил его навсегда. Отныне Ковалева заботило совсем иное...

Что было сделано не так? В чем причина катастрофы? Что, собственно, произошло? Вопросы буравили и буравили его мозг – сначала в Пятигорской больнице, теперь – в Клопино. Ответы давались в муках. Мысль о том, что Хозяин не просто исчез, что Он... язык не поворачивается произнести... сбежал! – эта мысль была нестерпима. («Он бросил меня, бросил!.. – плакал прапор в подушку. – Я, видите ли, плох для него... Я, который столько для него... который всегда для него...») Как видим, горечь утраты смешивалась с обидой. Обида росла, распухала волдырем, пускала метастазы в сердце.

Он пытался рассуждать здраво. Может, Хозяину не понравилось, что он перепил в тот злополучный вечер? Да, Хозяин и впрямь не любил, когда Ковалев позволял себе лишку, но ведь давал ему иногда поблажки, – и ничего, проходило. Кроме того, не так уж набрался тогда Ковалев – просто расслабился в компании. И вообще, всерьез наш герой никогда не пил, не злоупотреблял, выгодно отличаясь этим от большинства коллег. Неужели нельзя было простить временную слабость?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/schegolev_aleksandr/hozyain

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)